

Леонид Большаков

СЕНАТОР ОТ ШТАТА СОРОЧИНСК

«Включение художника в советскую действительность, его общественная работа, его связь с широкими массами трудящихся - все это совершенно необходимо для обеспечения высокой идейности и художественности работы наших писателей.»

А. Фадеев

Рассказ первый, объясняющий название

Давайте вернемся в год пятидесятый, в его суровый, морозный март.

Писатель, известный миллионам, уже немало дней находился в Оренбуржье. Тут его избрали депутатом в 1946-м. Тут его имя вторично назвали в 1950-м. И на душе было радостно: люди им довольны, значит, у народа в чести.

Самолетом, поездом, машиной, санями покрывал он десятки, сотни верст в своем степном депутатском округе. Всюду завязывались беседы. Они происходили то в колхозном клубе, то в избенке на краю деревушки.

В такой избенке однажды и отыскал его посыльный из ближайшего сельсовета. К дальней ферме телефонная линия не подходила, а Москва названивала - требовала: Фадеева! Нарочный едва перевел дух, чтобы сообщить о звонках.

Телефонный разговор был коротким.

- Вызывают в Москву, - сказал Фадеев, повесив трубку на рычаг старенького сельсоветского аппарата.- В Стокгольм надо выезжать. На заседание Постоянного Комитета Всемирного конгресса сторонников мира... Что поделаешь - в мире беспокойно!

- И чего только империалистам надобно? - покачал головой старик.- Жаль, не договорили мы с тобою. Да ежели требуется, Лександрыч, езжай.- И тут же полюбопытствовал:- Народу-то много будет? На конгрессе энтот?

- Со всего света, отец...

- Рабочие? Мужики?

- И ученые. И писатели. И сенаторы...

- Сенаторы - это кто? - не унимался дотошный старик.

- Депутаты по-нашему...

- Так ты, выходит, сенатор? Фадеев рассмеялся.

- Вот именно, батя. Сенатор от штата Сорочинск! В ответ на шутку присутствующие засмеялись. Только дед был совершенно серьезен.

- А чего ж, штат у нас знаменитый - хлебный. Не чета иным чужеземным... В общем, езжай. А потребуетса- дай знать. Ну, хоть телеграмму отстучи. Поддержим!

Дорожка на снегу

Конфузную эту историю рассказал мне...

Впрочем, имени того человека я называть не хочу. Хорошо помню, с каким смущением говорил он о своей промашке. Так зачем же лишний раз вводить его в краску?

...Саннный поезд ждали с минуты на минуту. У моста, вдоль дороги собрался весь Сорочинск. Кандидата знали по газетам, по книгам, по портретам. Тем более хотелось повидать, услышать, может даже словцом перекинуться. - Товарищи, будьте сознательны... Товарищи, соблюдайте...- слышались на мосту уже осипшие голоса организаторов встречи.

Если бы лето - забросали цветами. А какие цветы зимой? Летом без особых хлопот можно было бы и сообразить дорожку из зелени, из цветов. А какая дорожка на снегу? Думали-гадали устроители и придумали: протянуть по снегу ковровую полосу. Дорожек во всех районных учреждениях набралось метров двести. До трибуны был добрый километр. И все же от затеи не отказались. Рассчитали так: пройдет гость сколько-то там метров, дорожку за спиной скатают в руки - и вперед.

О встрече рассказывать не стану. Была она очень торжественной, очень радушной. Как десятки, как сотни в те дни перед первыми послевоенными выборами. С оркестром, с хлебом-солью - по всем правилам русского гостеприимства.

Я расскажу только о дорожке. Люди наблюдательные утверждали: при виде ее Фадеев сдвинул брови. Другие клялись: такого не было. Сходились на одном: когда пунцовые красавицы взяли гостя под руки, хмуриться он уже не мог.

Фадеев отвечал на приветствия, иногда что-то говорил девушкам, улыбался и кивал людям. А сам... сворачивал с дорожки.

Когда он сделал первый шаг в сторону - не заметили даже спутницы. Да это и не удивительно: от гордости они не чуяли под собой ног.

Фадеев же, ступив в снег, будто свалил с себя что-то гнетущее. Дорожки поспешно сворачивали, но раскладывать больше не пытались...

...После многих ораторов на митинге выступил Фадеев. Говорить с тысячами - дело трудное. Но он вел речь о близком - борьбе за мир, насущных заботах народа, делах и долге хлеборобов. И, казалось, разговаривал с каждым в отдельности.

Под конец Фадеев снова поблагодарил за доверие.

- Мы, депутаты, слуги народа. Ваши заботы- это и мои заботы. Ваша земля - моя земля. Я хочу ходить по этой земле вместе с вами, знать все ваши нужды, помогать строить жизнь. Постараюсь приезжать чаще.- И с улыбкой закончил: - Без всяких парадных встреч, вроде сегодняшней.

О пляске Чапаева, деде Щукаре и кое о чем другом

- Ты Метелицу подавай. Метелицу, а не Щукаря! Кабы Шолохова выбирали - дело другое. Или не разбираешься?..

Нет, он, конечно, разбирался. Александр любил и "Разгром", и "Поднятую целину", но вслух, со сцены, читать отрывки из фадеевского романа не брался. В концерт его не включили. И впервые за долгое время оказался он среди зрителей.

Зато сидел за Фадеевым!

Один номер сменялся другим. Товарищи пели, декламировали, танцевали. Переполненный зал встречал своих артистов по-особому горячо. Правда, и выступали они с воодушевлением необычайным. Еще бы - в зале находился Фадеев. По душе ли все это ему?

Тревоги были напрасными. Фадееву концерт нравился. Аплодировал он дольше других, смеялся от души. А когда началась пляска, показалось: писатель с удовольствием рванул бы в круг. Тут Александру и вспомнился давний рассказ старого красноармейца. Вот бы поделиться с Фадеевым...

- Сам Чапаев на этой сцене плясал,- сказал он, подавшись вперед.

- Чапаев?! - повернул голову Фадеев.

Александр, как говорится, "сел на любимого конька". Краевед по призванию, он знал местную историю досконально и уж если находил слушателя, говорить мог часами.

Шепотом рассказывал он о том, как Чапай выступал на митинге бойцов, а когда вышли лучшие плясуны и стали выделывать замысловатые коленца - скинул с себя бурку, ударил папахой о пол и задал такого трепака, что ахнули все.

- Историческая у вас сцена,- проговорил Фадеев, аплодируя только что законченному номеру.

Когда объявили перерыв, он пригласил Александра прогуляться. Разговор продолжался: о Чапаеве, о чапаевцах.

- Записывать такое нужно. Обязательно записывать. Да тут у вас материала на книгу... на музей... Потом, посмотрев на собеседника, Фадеев сказал:

- Знаете, у вас талант рассказчика. Почему не выступаете? Стесняетесь?

- Выступаю,- смущенно улыбнулся Александр.

- А сегодня? Пришлось рассказать.

- Значит, виноват я? - развел руками и рассмеялся.- Метелицу им подавай?

Щукаря - побоку? Помолчав, продолжал:

- А я очень люблю Шолохова. Это замечательный писатель. Талантище!

На этом разговор оборвался.

Фадеева окружили люди, а Александр отправился к товарищам. Там, за кулисами, и нашел его тот, который настаивал на Метелице и возражал против Щукаря.

- Твой номер включен...- бросил он сходу.- Первым пойдет.- И многозначительно, с таинственной торжественностью добавил: - По просьбе самого товарища Фадеева!

Несколько минут спустя Александр вышел на сцену, чтобы представить людям знаменитого шолоховского деда. Притихший было зал вскоре заклокотал смехом. В первом ряду светло улыбался Фадеев...

..Александр Буцко ныне - директор Дома культуры. Того самого, на сцене которого плясал Чапаев и где сам он читал для Фадеева о любимом Щукаре. Теперь тут часто выступает народный театр. Буцко играет во всех его спектаклях. А еще он руководитель музея. Народного музея истории гражданской войны. Можете не сомневаться, это дело для него тоже не чужое...

Избирателями они не были...

Избирателями они не были, и встреча с ними не предусматривалась. А они хотели с ним встретиться. Хотел и он.

- Да, завтра, Александр Александрович, у вас три плановых мероприятия. На карту посмотрите. До этого колхоза сорок километров. Встреча... Осмотр хозяйства... Выступление... Потом переезд - и снова встреча. Ну, а вечером доклад о литературе. Люди ждут, все объявлено. Невозможно!

Но в синеве фадеевских глаз была неумолимая твердость. Он смотрел на представителя обкома, утомленного не меньше его самого, и взгляд говорил: я человек дисциплинированный, порядку подчиняюсь, а только сейчас увещевания напрасны.

- Для них я пишу, для них я живу. Эка важность - "не избиратели". Будут избирателями! Хозяевами страны будут! И им-то пожалеть час-другой? В общем, можете на меня жаловаться, а завтра я в школе побываю...

Даже в его примирительной улыбке была та же непреклонность.

Фадеев положил руку на плечо седого агитпроповца.

- Все успеем,- сказал он мягко.- Выезжать решили когда? В десять? Так вот, ребята соберутся в восемь.

...В восемь он вошел в класс. И первое, что заметил, схватил его взгляд, были газетные листы на партах. "Комсомольская правда" с его романом...

Каждый день разлетался он по стране миллионами таких листов, и в который раз Фадеев вспомнил добрым словом тех, кто убедил его печатать "Молодую гвардию" в газете.

Книга жила!

...Держать речь он не готовился. Не знал даже, с чего начнет. Все пришло само собой, с этими вот газетными листами, с этими, к нему устремленными, взглядами.

Он подошел к парте, взял газету - и в класс будто влетел буревой ветер Краснодона, ворвалось дыхание военных дней и ночей.

Фадеев читал вполголоса, просто. Но это не было ни обычным перечитыванием написанного, ни привычной проверкой звучания слова. Он будто снова перелистывал страницы недавнего прошлого, любовался героями-молодогвардейцами, поверял свое, сокровенное.

Он дочитал кусок до конца. Дальше стояло: "Продолжение следует". Откуда-то с "Камчатки", из рук в руки, шел к нему другой газетный лист,- наверное, с продолжением.

Фадеев газету взял, но сразу же и отложил.

- Еще! - прошелестело по рядам.

- Еще...

Тогда писатель протянул руку к боковому карману и достал пачку листов: это была корректура заключительной, еще не опубликованной части "Молодой гвардии".

Что им прочесть? На чем остановить выбор?

"Друг мой! Друг мой... Я приступаю к самым скорбным страницам повести..."

Последние страницы... Он читал так, словно только что узнал обо всем сам и вот теперь впервые решил поделиться с самыми близкими своими друзьями.

...Фадеев оторвался от листа, отложил его и посмотрел на своих юных слушателей, которым только что досказал историю героев молодогвардейцев. Глаза его, чуть затуманенные грустью, светились синим огнем.

Разговора о литературе не было. Не говорил Фадеев и напутственных слов. Он только читал. "Молодую гвардию" читал молодым...

...Это произошло в школе совхоза имени Электроставского. Тридцати или сорока ребятам, которые его слушали, эти два часа запомнились на всю жизнь.

Теперь все они - взрослые люди. Заместитель директора совхоза. Бригадир тракторно-полеводческой бригады. Зоотехник. Есть учителя, медики, летчики. Народ деловой, степенный. Но посмотрели бы вы, как загорались глаза этих людей, когда я заговаривал с ними о "фадеевском утреннике".

Они не забыли ничего.

Арифметика со смыслом

Еще из окна вагона подметил Фадеев непривычный для его глаза транспорт. Подметил и записал: "Женщины везут ветви осокоря на санях, запряженных коровами, - наверно, на топливо". Эта деталь могла пригодиться. Было в ней что-то необычное, даже экзотическое.

Иное оказалось теперь...

...В прокуренном райкомовском кабинете обсуждался план посевной. Деловой план весенних работ, уже очень скорых. Они приближались с торопливой неумолимостью к", и нельзя было сказать им: "подождите, повремените", нельзя было по-дружески подать знак: "не все готово - потом..."

Разве "потом" будет легче? Невесть как свалятся с неба новенькие тракторы, добрый волшебник единым взмахом своей палочки вызовет из небытия

сокровища- запчасти и, словно в сказке, станут один к одному тридцать три богатыря, которым нипочем любое дело?

Первая мирная весна обещала быть трудной.

Об этом который день подряд и говорили в продымленном секретарском кабинете. Сейчас здесь находились члены бюро, кто-то из инструкторов обкома и Фадеев. Ему нездоровилось - недавно простудился, но лечь отказался наотрез и внимательно прислушивался к разговору.

Разговор шел о... коровах.

Тракторы за войну в районе сильно обветшали. Возлагали надежды на подкрепление, но заявки урезали, и платформы с тракторами проходили мимо станции Сорочинской - на запад. Головки блоков, коробки скоростей и прочие узлы для замены негодных настойчиво рекомендовалось реставрировать, хотя и без того над ними колдовали не по одному разу. А ко всему не хватало трактористов. Не то что на две смены - даже на одну-единственную. Как ни судили, выходило одно: пахать на коровах и нынче,

-- Директива на сей счет требуется, и самая твердая,- нажимал заведующий районным земельным отделом.- Прошлой весной вопреки нашим указаниям и несмотря на условия военного времени, во многих колхозах наблюдалось, я бы сказал, преступное игнорирование коров, и такое безобразие, такое возмутительное игнорирование...

Фадеев сидел молча, подперев рукой голову, и только по внимательному взгляду было видно: думает вместе со всеми.

- Скажите, пожалуйста...- посмотрел он вдруг на заведующего райземотделом.- Да, вы, уважаемый товарищ... Сколько лошадиных сил в тракторе?

- Каком именно, Александр Александрович? - всем своим видом заведующий выражал готовность дать самый обстоятельный ответ на все вопросы почетного гостя.- Я хотел бы только уточнить марку... "СТЗ-ХТЗ"? "СТЗ-НАТИ"? "ЧТЗ"?

- Я интересуюсь всеми марками, которые имеются в вашем районе. Но если обо всех затрудняетесь, скажите о "ЧТЗ".

Он нетерпеливо постукивал толстым карандашом по столу.

- Охотно, охотно...- заторопился руководитель земельного отдела.- Трактор "ЧТЗ" - 60 лошадиных сил. Мощность имеется в виду проектная...

- Проектная? - усмехнулся Фадеев.- Ну, а какова проектная мощность... коровы? Лицо зава выразило недоумение.

- Как понимать ваш вопрос, Александр Александрович? - проговорил он, не скрывая удивления,

- Буквально. Хотя бы в лошадиных силах.

- Коровы в... лошадиных?

- Вот-вот.

Фадеев не шутил и переводить разговор в шутку не собирался.

- Вероятно, не более половины,- ответил райземотделец. И тут же уточнил: - Смотри какая корова попадетс...

Он все еще не мог понять, куда Фадеев клонит. На обычную писательскую любознательность его расспросы не походили.

А тот продолжал:

- Сколько вспашки можно произвести одной коровой? Рекордсменкой? Обыкновенной буренкой?

- Сколько гектаров падает на трактор? За сезон? За сутки?

- Сколько делают лучшие? "Середняки"? Новички? Разговор стал общим. Руки потянулись к карандашам.

- Правильно, займемся арифметикой,- кивнул головой Фадеев.- И так, коровами можно вспахать...

Арифметика получалась "со смыслом". Подсчеты убеждали, что на коровьи "лошадиные силы" ставку делать не стоит. Минимальная прибавка выработки на каждый трактор покрывала все, что предполагалось сделать с помощью коров. Покрывала и перекрывала...

Разговор продолжался. Но был он уже не о коровах, а о тракторах. В райкомовском кабинете думали о том, как лучше использовать технику.

Из письма А. А. Фадееву:

"...Сев мы почти всюду закончили нормально. В большой степени этому способствовала "арифметика". Подсчитывали тогда не зря. Придя к разумному выводу, мы нашли главное звено - не вылезали из тракторных бригад, организовали между ними соревнование, развернули движение за высокую выработку днем и ночью. Это решило успех. Ухватись мы тогда не за руль трактора, а за коровий хвост-быть беде!"

Что такое "урема"?

Смею заверить, что даже в Оренбуржье не многие вам скажут, как называется лиственный поемный лес, кто были родоначальники местных казаков, чем отличаются лошади башкирские от лошадей казахских, а овцы казахские от овец русских и черкесских.

Он это знал.

В поездках по селам своего избирательного округа Фадеев чуть ли не на каждом шагу узнавал НОВОР. И когда удавалось извлечь записную книжку, в ней появлялись самые разнообразные записи.

"Лиственный поемный лес по рекам зовут... уремой. Степная акация - чилита. Степная стелющаяся вишня.

...Ближайшие родоначальники оренбургских казаков - самарские и алексеевские казаки, наделенные землей в XVII веке, а в 1735 году получившие

особое знамя. Они были переведены на службу в старый Оренбург, теперь Орск, и стали ядром нового войска.

...Башкирская лошадь некрасива на вид, низкоросла, с большой головой, грубой шерстью, мускулиста, крепка и вынослива. Казахская лошадь по виду похожа на башкирскую, но не так мускулиста, легка на бегу и дика, трудно приучается к упряжи.

...Овцы казахской породы с курдюками. Овцы русские без курдюков. Овцы черкесской породы с мягкой шерстью".

Это лишь некоторые из тех заметок, что были сделаны им 15 января 1946 года.

Записные книжки были его постоянными спутниками на протяжении всей жизни, его собеседниками, которым поверял он свои раздумья и наблюдения.

"Художник должен... уметь очень внимательно и упорно приглядываться к жизни, чтобы изображать ее правдиво". Так говорил Фадеев. И всегда - за работой и на отдыхе, где бы ни был, что бы ни делал, он оставался неутомимым, тонким наблюдателем.

...Поезд везет его в Оренбург. Писатель смотрит в окно. Незнакомые места... Непривычный пейзаж...

"Бегут над степью низкие тучи, зимние, неопределенных очертаний. Иногда прорвется солнце, и золотистый овал его на снегу движется по степи. Иногда в пределы его попадают обозы с сеном. Воображаю, как радостно в эти минуты и возчикам, и лошадям".

Беглая зарисовка... Но в ней и фадеевские глаза,- добрые, мягкие, и фадеевское отношение к жизни - светлое, солнечное.

...Он приезжает в Оренбург, ходит по неведомому городу.

"...Старинный город, выросший из крепости и военно-дворянского, помещичьего центра края, что наложило свою печать на архитектуру зданий с колоннами и красит город. По улицам метет буран так, что глаза режет, а в конце главной улицы, Советской, крутой откос к Урал-реке; за ней темнеют в мутном вихре голые стволы и ветки большой "зауральной" рощи, а за рошей крутит так, что уж и не видно ничего. Ветер дудит, и свистит, и сбивает с ног. Вспомнилось в "Капитанской дочке": "Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевленным".

О новом для него городе Фадееву хочется знать больше, знать все. Как возник? Что примечательного в его прошлом?

В памятной книжке появляются выписки из краеведческих изданий. Даты, имена, факты говорят о многом. Но в центре внимания - события бурных лет революции. Это они положили конец тому Оренбургу, о котором с горечью писал в свое время Аполлон Григорьев:

Скучный город скучной степи,
Самовласть гнусный стан,

У ворот - острог да цепи,
А внутри - иль хам, иль хан...

Только выписки, выписки без комментариев. А как много говорят они о человеке! Ни романа, ни повести, ни даже очерка об Оренбуржье Фадеев тогда не замыслил. Тем удивительнее настойчивость, с какой собирались им сведения, как одно за другим нанизывались впечатления виденного.

...Фадеев летит в Пономаревку - дальний район, на границе с Башкирией. Лететь приходится дважды - в первый раз самолет возвращается обратно из-за тумана. Но глаза его "пробивают" и туман:

"Зимой вид на степь унылый. Редкие некрупные поселения с их белыми снежными крышами едва различимы по балкам. Кое-где редкие кустарники и лески. Следы комбайнов на полях".

Такое можно разглядеть лишь с высоты. А вот это - "земное", его увидишь только из саней.

"В колхоз имени Горкина - на пароконных санях - гусем. Ямщик с светлой бородой: "Прямо!.. Эй... Побью!.." Очень ловко работает справа длинным бичом, чтобы достать до передовой. Коренник, как обычно, в оглоблях, с дугой. Вожжи ременные, закинута за спину под мышку ямщика - он задерживает коня, откинувшись назад. Передовая в хомуте, гужи продеты в кольца, свисающие с оглобель коренника у дуги, и прикреплены к оглоблям позади, а изредка прямо к саням. Веребочные вожжи в руках у ямщика. Передовая часто бунтует, рвется в сторону, бьет коренника. Впрочем, он тоже, когда она чуть отстанет, засекает ей задние ноги. Один раз' очень лихо опрокинулись посреди деревни".

Да тут же целая картина - и какая живая!

Память нуждается в подсказке. Когда-нибудь, когда это потребуется, необычное название - "христовы анучки" - напомнит Фадееву не только о свернутых блинчиках со сладкой начинкой, а и о шумном дружеском застолье в сельской избе. И не лишним, совсем не лишним окажется описание самих изб: "...обмазаны глиной, большей частью покрыты соломой. Иногда основой избы является все же деревянный сруб, иногда они сложены из толстого кирпича, из глины и соломы - самана. Сарайчик, пристройки большей частью саманные. Коровы часто в укрытии - клетушке, закиданной соломой, с открытым входом,- такие у нас на Дальнем Востоке зовут "пунькой".

...Записные книжки... Как много можно узнать, разбирая их странички!

Словесный портрет

Есть у криминалистов понятие: словесный портрет. Всегда ли портрет этот помогает следователям - не знаю. А я... я в него уверовал основательно. И не без посредства Фадеева.

...Где-то в конце января 1946 года в его записной книжке появилось несколько строк о людях, встреченных им в один день:

"Директор совхоза и его жена. Помещики. И очень типично именно для помещиков. Он - зубр. А она - работает под столичную даму, светскую даму. Но он в самом деле - настоящий хозяин. И совхоз - настоящее предприятие. Работники в совхозе прекрасные. Судя по всему, "помещик" был работником покрупнее, попал "пониже" оттого, что проштрафился, и тут ему понравилось. Все у него есть, работать здесь ему, по его хозяйственной сноровке и по размаху - нетрудно. Но чувствуется, что для себя он тоже не щадит государственного добра".

Прочел я запись - и подумал: программа первой предвыборной поездки кандидата в депутаты была напряженной, задерживаться на одном месте возможности он не имел, а ведь раскусил же эту пару, да такой портрет составил, что в нем несложно разглядеть и судьбу супругов, день их завтрашний.

...- Гадаете, сколько времени потребовалось для всего этого Фадееву? Часа три. В общем, вечер.

- Так вы, значит, их узнали?

- Да по такому описанию узнает любой...

Я убедился в этом, предъявляя "словесный портрет" доброму десятку человек. Одни смеялись, другие суровели, но каждый называл: чета. И тут же все вспоминали, с каким вниманием осматривал Фадеев хозяйство, как разговаривал с людьми, спрашивал их о жизни, насколько внимательно слушал директора и как заинтересованно к нему приглядывался...

Никто не помнил, чтобы он расспрашивал о И., пытался узнать - от самого ли, от других - о жизни его в прошлом. Не было этого ни во время официальной части, ни за ужином, которым заправляла директорша.

- А распознал все. И то, что работал некогда на большом посту, и что талант организатора имеет, и что жизнь свою, не без воздействия жены, устроил полегче да попышнее. Мы оказались тогда менее зоркими, чем Фадеев. И вот проглядели...

- Что именно?

- Рождение помещиков... Ну, а коммунисту и помещику ужиться в одном человеке невозможно! Опомнился, да поздно...

- Совсем поздно?

- Это как смотреть. Пожалуй, нет. Пришлось ему, верно, начинать и с бригадира, и с кандидата партии.

Потом, управляя отделением, вернули партбилет, а там и снова хозяйство доверили - запущенный-презапущенный совхоз. Вытянул!.. Писать будете - фамилию не называйте: другим, говорят, человек стал. Вы в восточные районы не собираетесь? Будете у И., прочтите ему ту запись. Нелегко слушать про себя такое, но полезно..

У истоков песни

В 1957 году в издательстве "Советский писатель" вышел толстенный том в строгом переплете - А. Фадеев. "За тридцать лет". (Избранные статьи, речи и письма. О литературе и искусстве.)

Есть в этом томе раздел, названный самим писателем "Субъективные заметки". Это выбранные из записных книжек записи о писателях-классиках и современниках. Острые, страстные, полемичные...

А что он думал об устном творчестве народа? Что любил в нем? Как к нему относился?

В томе об этом нет. В записных книжках - есть."Как запоешь скоморошину, так вся изба плясать пошла".

Метко сказала Фекла Федоровна Гуляева, он даже не утерпел и записал.

Изба, на самом деле, плясала. Пляска - то плавная, раздольная, то горячая, с притопом - стихала только тогда, когда заводили песни. Были те песни одна другой лучше...

Фадеев скоро заприметил-выделил двух певуний и взял на заметку, для памяти: Анна Кудрина - Ганя Шилова. Бесконечное множество песен знали они, и не было такой, которую пели бы без души.

Участники того чудесного вечера в селе Донецком с охотой припоминают, как молодо блестели глаза у их московского гостя и как, уходя, он сказал: "Сколько живу, а лучше ваших песен не слыхивал".

Может, и не этими словами поблагодарил Фадеев певуний. Да только в словах ли дело? Потом, позже, обдумывая свои впечатления, он записал:

"Свадебные песни их жизнерадостны, без "чужедальной сторонушки", и жених - не "чужой чужанин". Наоборот - невеста тоскует по жениху:

Без тебя, милый, постеля холодна,
Одеяльце заиндевело,
Подушечка потонула во слезах.

И только одна песня у них с мрачной перспективой:

И всю л ноченьку продумала,
Всю я темну прогадала
И как мне, горькой, в чужих людях жить?
И как мне, горькой, на них угодить?
Пойдешь шибко - скажут: босомыка,
Пойдешь тихо - скажут: недодвига.

...Говорят: "Песня - душа народа". Знакомясь с народным творчеством, он стремился к лучшему пониманию душевного склада тех, с которыми породнила его жизнь.

По настоятельной фадеевской просьбе для него подобрали библиотечку оренбургского фольклора. Сборникам этим он обрадовался искренне. Но не то чтобы почитать - даже полистать их времени не было. Утром - тут, к вечеру - там. Встречи с сотнями, тысячами людей... Живые судьбы, живые дела...

И не было бы счастья, да помогло несчастье. Во время одной из дальних поездок он всерьез простудился и слег. В больнице и настал черед книгам. Здесь, наконец, смог он над ними подумать, а продуманное - записать.

"Сказочница Агафья Киреевна Душкина (ст. Алек-сандровка Бузулукского района). "Солдат Хват и королева Чикиса", "Нужда", "Поп и работник", "Дед Мороз и девчонка". Герои ее сказок - всегда бедные, умные, честные, храбрые люди. Агафья Киреевна исходила всю Россию, была в Москве, в Киеве, она была даже в Палестине, ходила ко гробу господню. Она сейчас умерла. К сожалению, учитель Наливкин, записавший около пятидесяти ее сказок, допускал их стилистическую обработку и подпортил. Она - сказочница-моралист. Начала и концы ее сказок - прямые и простые, без традиционных зачинов и концовок..."

Не просто заметки для памяти - анализ.

А вот наблюдения над построением изустных народных преданий. "Сказочница Февронья Мартыновна Елисеева (с. Покровское). "Мужицкий царь" - о Пугачеве. Она слышала это предание от стадвадцатилетней "старенькой бабки своей" еще девочкой:

- Залезем все на печку, за окном вьюга воеет, словно пес цепной, ветер страшно свищет. А мы сидим, на печке-то, и нам тепло, хорошо. Бабка поглядит на нас, засмеется этак, мил мои, тихонько и начнет нам сказывать разные сказки. Про чего только не рассказывала: и про змиев, и про лешиев, и про русалок, и про царевичей, и про волков, и про многое другое. А мы сидим и слушаем. Нам страшно, страшно... за окном-то метелица метет, ветер воеет, как в котле громадном кипит, на улице страшно, жутко нам от этого, а в сказках еще страшней. А бабка прижмет нас к себе, засмеется и скажет ласково: "А вы, дурнушки, не бойтесь. Ведь это - сказка, а в сказке-то не все правда". Ну, у нас страх-то немного пройдет.

Это у Февроньи Мартыновны зачин. А потом идет сказка..."

Тонкий знаток слова, его ритма, его музыки, Фадеев восхищался родниковой чистотой народной речи. Речи, которая не знает фальшивых нот - простой и образной. До чего же ты могуч, народ-песнотворец!

...Я побывал во многих из тех мест, что названы в его записной книжке. И, конечно, в Донецком, где Фадеев с упоением слушал сельских певуний.

- Так он и сказал: "Сколько живу, а лучше ваших песен не слыхивал",- с волнением подтвердила одна из них, Ганя Павловна Шилова.- А уж он в песне толк знал. Сам-то как пел, знаете? Как завел старую казачью, так поверьте, слезы на глаза навернулись. Вот эту: "Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить, с нашим атаманом не приходится тужить". Жаль только, сказал, что в кинокартине "Пархоменко" ее махновцам отдали. Обидели честную, народом сложенную песню!

Этим свидетельством я и закончу рассказ о Фадееве-фольклористе, знатоке народного творчества. Закончу, чтобы возвратиться к Фадееву-депутату.

Судьба хлебороба

- Поезжай-ка, Якич, к депутату!

Он поднял голову. Кто это предложил? Но на всех лицах было одно - одобрение, согласие. Матвей Яковлевич понял: поедет...

...Неделю тому назад он сидел на скамье подсудимых.

- Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики... гражданина Скокова... по статье... к лишению свободы.

Вся жизнь Скокова была связана с родным селом. Сызмала батрачил тут на кулаков. Отсюда ушел воевать за власть Советов. Не кого другого - его избрали мужики первым председателем товарищества по совместной обработке земли. А с двадцать девятого он бессменно во главе колхоза. Лишь однажды с тех пор оставлял свою Скоковку - в сорок первом. Однако год спустя вернулся на родную землю. Ту, что являлась его рубежом, его вечной думой. И вот...

За своего председателя вступились колхозники. Они ручались за него всем миром. Удалось, однако, немногое - отсрочить взятие под стражу.

Но зачем ему свобода, если лишен главного в жизни- настоящего дела? Бывший председатель... Бывший активный коммунист... Стоит ли жить?

...- Стоит! Непременно стоит, Матвей Яковлевич!

Или все дела уже переделаны?^

- Куда там, Александр Александрович... Дел невпроворот!

- То-то! Значит, сев провели лучше прошлогоднего? А какие виды на урожай? Как "бог пошлет" или сами возьмете?

Мало-помалу завязался разговор о сельских делах. О технике и людях, о семенах и удобрениях, о земле и погоде... Как о личных знакомых, спрашивал депутат о многих сорочинцах, с которыми повстречался во время поездки по району. В комнате по соседству послышался телефонный звонок. Хозяин вышел, а Матвей Яковлевич продолжал жить мыслями неоконченного разговора.

- Да, считаю! Если хотите - убежден! - услышал Скоков голос Александра Александровича.- Допускаю, что он мог промахнуться. Но главное не в нем. В чем? В ошибочной системе планирования! Я и буду говорить об этом в ЦК... А сейчас речь о человеке, о хлеборобе. С первых колхозных дней председатель ТСОЗа... Он землю поднимать должен, а его вынуждают асфальт московский пахать. Прошу заняться. Приеду сам. Ничего, время найдется!

Только сейчас Матвей Яковлевич понял: разговор о нем.

Значит, между Вчерашней вечерней встречей в Союзе писателей и сегодняшней, дома, депутат уже успел дать его делу ход?

- Ну, продолжим наш разговор,- проговорил Фадеев, снова усаживаясь против Скокова.- Мы говорили о...

И только позже, у двери, уже провожая гостя, сказал:

- Все будет по справедливости!

...- Так и вышло,- вспоминает сейчас Матвей Яковлевич.- Вернулся домой, а скоро пришел полный пересмотр дела. Оправдали и восстановили. И снова стал я председателем...

Только на седьмом десятке ушел Скоков на пенсию. Ушел со спокойной совестью. Родной его колхоз "Путь Ленина" пошел в гору, стал трижды миллионером. Да и вообще - не та жизнь, перемены во всем...

Мы закончили наш разговор на сельской улице. Старик не раз порывался уйти и, наконец, ушел. Не домой - в поле. Сеять. Руки хлебороба требуют дела.

Примечание к заметке

"...В нынешнем году, как и в прошлом, отличилась семья Нейфельд, члены которой работают на всех участках колхозного производства. Лучшей птичницей является старшая представительница этой фамилии - Нейфельд Е. Г."

Е. Г.? Совпадение или... она?

Екатерина Нейфельд, к моей радости, оказалась не однофамилицей, а именно той, чья судьба встревожила когда-то Фадеева.

Все станет ясно, если вы прочтете его письмо в Оренбургский обком партии.

"Очень прошу Вас помочь семье гражданки Нейфельд. Я уже несколько месяцев занимаюсь этим делом и не могу добиться правды. Речь идет о разрешении вернуться в колхоз с Орского крекинг-завода старшей дочери-Нейфельд Е. Г. Как это следует из прилагаемых документов и на основании всех прочих, известных мне обстоятельств дела, Нейфельд Е. Г. фактически не может работать на крекинг-заводе из-за острого туберкулеза. А между тем в колхозе она может не только поправиться, но и быть полезным работником и одновременно помочь своей семье, состоящей из старухи-матери и пяти младших сестер и братьев..."

Только что закончился сорок шестой - с невероятно напряженным ритмом восстановления, с борьбой за решение новых, титанических сложных задач. Не менее трудным обещал быть и сорок седьмой - наступивший. Трудным и жестоким. Десятки, сотни тысяч судеб оставались неустроенными и, что скрывать, было не до них - этих личных судеб, не до них - «маленьких» человеческих трагедий. Долгие годы отделяли нас от полного восстановления справедливости.

Но не мог он от нее и отступить. Много-много раз встретила мне в его депутатской переписке эта фамилия - Нейфельд.

...Теперь о Нейфельд с уважением пишут в газете. И о той самой "Е. Г." - прежде всего.

Мы с ней в разговоре былого не касались. Но и она, и я думали о Фадееве.

Звонок из Москвы

Из Москвы в Новосергиевку звонят не часто. И утренний телефонный вызов немедленно собрал вокруг аппарата всех, кто в этот час оказался в маленьких комнатках Совета.

- Москва?! У телефона. Да, она самая. Товарищ Фадеев? Здравствуйте, товарищ Фадеев, очень рада. Настроение? Вполне нормальное. Урожай хороший, готовимся к уборке. Нет, не подкачаем. Никак, говорю, нельзя подкачать... Какой указ? Пока не слышали. Подписан? Вот спасибо! Ну, конечно же, передам. И вам, Александр Александрович, привет. Привет от всех...

Хозяйка кабинета положила трубку на рычаг, обвела взглядом присутствующих и сказала:

- Подписан указ. Наш. Тот самый.

И не было человека, который бы не понял...

...До городского звания Новосергиевка не доросла, но и селом ее не назовешь никак.

Довольно большая железнодорожная станция. Промышленные предприятия. Наконец, давняя "столица" крупного района. На языке географов, "типичный населенный пункт, относящийся к категории рабочих поселков". Так он и значится со времени памятного фадеевского звонка.

А до этого... до этого существовало как бы две Новосергиевки. Одна - станция и дома вокруг нее. Вторая - все остальное. В разных частях Новосергиевки и органы власти оказались разными. На станции - поселковый Совет, в центре - сельский.

Каждый Совет вел свою линию в застройке. Различной была организация и оплата труда в больницах, в школах. Даже магазины, расположенные в полукилометре один от другого, торговали по разным ценам.

Несуразность? Несомненно. А устранить ее на месте не могли. Писали. Убеждали. Хлопотали. Но все оставалось без перемен.

Из разговоров с людьми, Фадеев узнал об этом. Удивительно легко сходилась он с людьми! Между ним и собеседниками очень скоро установилось доверие, которое лучше всего располагает к откровенности. А коль речь заходит о делах житейских, как не коснуться, к примеру, вопросов торговли?..

Он поднял бровь. Да может ли быть, чтобы в одном и том же месте магазины снабжали по-разному: в один завезли, а другой обошли? Чтобы неодинаковыми были цены: здесь дешевле, там - дороже?

Сам проверил. Убедился: да, так оно и есть на самом деле. И неожиданно Фадеев стал резким.

- Говорите - писали? Говорите - требовали? По какому же праву отступили? Как смели примириться? Ведь не личное - государственное это дело. Надо было стучать во все двери!

На следующий день, уезжая, он увозил с собой папку со всей обширной перепиской по этому вопросу, а вместе с нею - новое письмо, новое ходатайство.

И вот звонок: Новосергиевка - рабочий поселок. Значит, Совет один - поселковый. Хозяин всему - он. Работа пойдет по-новому.

- Рассерчал тогда Александр Александрович,- неожиданно сказал кто-то из свидетелей телефонного разговора.

- Рассерчал, а помог,- вставил, другой.

- Что говорить - помощь настоящая! - сказала председательша.- Но и урок тоже немалый. Нам всем урок. Видишь правоту свою - не отступай, во все двери стучись, а добейся. Не для себя - для народа!

Дело о "выеденном яйце"

"Пересылаю копию заявления учительницы Стрельниковой О. И. и копию моего письма председателю Чкаловского облсуда, прошу Вас поддержать перед облсудом мою просьбу об отмене приговора Сорочинского нарсуда в отношении учительницы Стрельниковой О. И., поскольку ее "дело" не стоит выеденного яйца..."

Фадеев рассержен. Фадеев возмущен.

А лишило его равновесия письмо из Сорочинска.

...Два курса Стрельникова училась очно. Затем обстоятельства сложились так, что ей пришлось переводиться на заочное отделение и устраиваться на службу. Определили по будущей специальности, в среднюю школу районного центра. И она работой и школа молодым историком были довольны. Не отставала в институте - за третий курс сдала полностью. Вместе с коллегами готовилась к встрече нового учебного года. Но... в канун занятий из районного отдела народного образования прибыл приказ о переводе ее преподавателем географии. Учительница не согласилась. И началась чехарда: то Стрельникову посылают в отдаленную начальную школу, то определяют в вечернюю, то переводят в соседнюю семилетку. Ради чего? Это выяснилось тогда, когда вместо нее пришла вести историю жена директора яично-птичного комбината.

Обиженная и возмущенная, она выехала в областной центр. Отсюда последовало указание прекратить беззакония. Стрельникова - в поезд и домой. Заведующий районе - тоже в поезд, но... в облоно. Без его приказа учительницу не допускают к делу, а он не едет ни на третий день, ни на пятый. Наконец, возвращается. И с ходу... подает на нее в суд: "Прогоул!" А в суде разбираться долго не стали: приказ о переводе был? - был! - на работу не вышла? - не вышла! Значит - виновата. В общем, осудили...

"Я считаю, что районный суд неправильно рассмотрел мое дело, не учел той обстановки, которая создана была вокруг меня в начале учебного года... Я прошу Вас помочь мне в вопросе моей судимости..." Так заканчивалось растерянное письмо человека, из-под ног которого внезапно ушла почва.

Не поверить Стрельниковой Фадеев не мог. Он написал в Сорочинск: как допустили? почему не пресекли?

Ушло письмо в областной суд: "Это так называемое "дело" является надуманным и склочным".

Еще одно письмо было отправлено в облоно: "Дело" не стоит выеденного яйца". Прямо. Резко. Гневно.

Обидели человека. По какому праву? Он этого не потерпит - ни в случае со Стрельниковой, ни в любом другом!

...Шуркина тоже сорочинская - воспитательница в детских яслях. Десять лет с малышами, любит их, смысл жизни в этой работе видит - и вдруг уволена: "нет специального образования". А как пишет! Грамотная, разумная, серьезная женщина. С хорошей, щедрой душой... Сейчас она ждет ответа. Что ж, кривить душой Фадеев не станет, мнение выскажет без утайки. "Я считаю увольнение Вас с работы несправедливым, основывающимся на формально-бюрократическом поводе". Да, он так считает, и не успокоится, пока решение не будет пересмотрено. "Поддерживаю просьбу Шуркиной В. Ф. о восстановлении ее на работе в качестве воспитателя детей в яслях... (Это уже в облздравотдел, которому подчиняются все ясли). Не так уж много людей, имеющих опыт в обращении с детьми и умеющих обращаться с детьми, чтобы с такой легкостью отстранить работника в этой области, любящего свое дело". Не хватает знаний? Почему бы не послать на курсы повышения квалификации, не предоставить возможности учиться? Но на работе надо восстановить и от любимого дела не отстранять ни в коем случае. Он повторяет эти слова: любимое дело. Есть ли что-то дороже, что-то важнее? Такое дело должно быть у каждого. Правда и правота о- на вашей стороне, воспитательница Шуркина...

И на вашей, товарищ Рязанова! Это письмо будет отправлено главному врачу оренбургского курорта "Красная поляна". Письмо о вас: "Считаю, что А. М. Рязанова права в своей жалобе: она вдова офицера Советской Армии, погибшего на фронте, имеет троих детей. Ее просьба отложить ее переселение на другую квартиру до весны вполне законна... Со своей стороны считаю, что дирекции курорта не только следует удовлетворить ее просьбу, но и оборудовать новую ее квартиру, чтобы квартира была пригодна к жизни в зимнее время... О Ваших мероприятиях прошу поставить меня в известность".

Мероприятие - слово казенное; ему, писателю, оно не любо. Но депутату... Мероприятие - это восстановление покоя молодой учительницы Стрельниковой и примерное наказание ее обидчиков-бюрократов; это возвращение воспитательнице Шуркиной любимой работы; это забота - не на миг, не для отписки - об офицерской вдове Рязановой и многих таких, как она...

...Три письма из депутатской почты. Три обиды, которые одна за другой прошли через его душу. Фадеев мог быть удовлетворен: люди писали - людям помог. Но почему этого не сделали другие? На месте? Отчего такие письма продолжают идти?

И как-то поздно вечером он позвонил в обком:

- Други мои, подумаем, обсудим вместе...

В том раздумье, в том разговоре приняли участие коммунисты всей области. На повестку дня каждой партийной организации был поставлен вопрос о внимании к человеку.

Крыша с... литературным комментарием

Крыша походила на решето: разве только дыры покрупнее.

Под весенними лучами весело таял снег, а будущие ветеринары весне не радовались.

- Латайте!
- Лет пять латаем.
- Металл строго фондируется.
- Помочь ничем не можем...
- Будем жаловаться дальше!

И куда только не жаловались! Обошли всех в районе. Обошли всех в области. Писали в главное управление. Но в лучшем случае получали обещания, да и то - шаткие, неуверенные.

- Фадееву напишем! - решительно сказал кто-то из комсомольского комитета техникума. Пусть, как депутат, протянет бюрократов. Про такое и в самой "Правде" напечатают!

Предложение встретили вполне серьезно. Но, пораздумав, тут же отвергли по соображениям... литературным.

- Нечего его отвлекать! Фельетоны другие пусть сочиняют. А то все конгрессы, съезды, заседания... письма наши... А романы и повести писать кто будет?

Как раз перед тем в районной газете было напечатано интервью местного журналиста с Александром Фадеевым, и особый интерес вызвал рассказ писателя о его творческих планах:

"В плане дальнейшей работы - большая повесть "Гурты"... Повесть посвящается колхозной молодежи, ее трудам в дни Великой Отечественной войны... Представьте себе, что из Смоленской области в момент наступления немцев перегоняют скот, скажем, в колхозы Ярославской области. После разгрома фашистов колхозники возвращаются в родные места. На этой несложной канве я хочу нарисовать ряд ярких характеров советских людей - наших замечательных современников..."

- Крышей нашей займется, а "Гурты" не напишет. Не по справедливости получится. И не по-государственному!

С этим согласились, кажется, все. Но - с потолка лило пуще прежнего, и кто-то из наиболее решительных Фадееву все же написал.

В техникуме узнали о "своеволии" и решили: написали так написали, письма не воротишь.

...Ответа из Москвы долго не было. Прибыл он откуда-то с Урала. Обыкновенный, стандартный наряд, каких в каждой организации получают немало: то на лес, то на ткани.

- Наряд на железо! Вот она, крыша! - обрадовались в техникуме.
- А металл-то... Металл фадеевский!

Только сейчас дошла очередь до забытого в радостной сумятице препроводительного листка. В нем же, этом листке, черным по белому говорилось: "По личной просьбе депутата Верховного Совета СССР..."

Долгожданный наряд выхлопотал Александр Александрович.

...В дни, когда я был в Сорочинске, там проходило большое совещание специалистов сельского хозяйства. Так получилось, что вместе с группой его участников оказался я возле ветеринарного техникума, незадолго перед тем отметившего свое тридцатилетие.

- Цела фадеевская крыша? - вдруг спросил мой сосед у вышедшего навстречу гостям ветерана техникума, теперь его директора Петра Александровича Загребина.

- Цела! - ответил директор.

- А "Гурты" Фадеев так и не написал... - подал голос кто-то из группы.

- Не написал... - подтвердил тот самый сосед, что справлялся о крыше, и снова поднял голову кверху. - А знаете, друзья, я вот сейчас подумал... Нет, не смейтесь, пожалуйста... Фадеев до самой своей смерти писал роман "Черная металлургия". Слыхали? Так вот я подумал: не тогда ли возник у него замысел этого романа, когда увидел, как трудно добыть несколько сот килограммов металла для нашего техникума, когда почувствовал, как мучаются без этих килограммов люди в далеком Сорочинске... Не смейтесь, братцы. Не смейтесь!

Никто не смеялся.

Что ж, могло быть и так...

Рассказ о том, как был выручен Сергей Крылов

На курсы Сергея приняли. Парень возликовал: стать шофером было его мечтой с детства. Слушал преподавателей, грыз шоферский учебник, зубрил правила уличного движения, с замиранием сердца садился за руль, но вдруг все, решительно все перевернулось.

- Курсант Крылов, предупреждаю - к экзаменам вы допущены не будете...

Смысл слов завкурсами дошел до него не сразу.

Никаких "хвостов" за ним нет, нарушений не допускал, в стенгазете писали о нем, как о лучшем...

- Вы же понимаете: не могу я этого сделать. Паспорт - документ главнейший!

Ах да, паспорт... Шестнадцать ему минуло давным-давно, право на паспорт получил еще полтора - даже больше - года два назад. Но работал тогда в колхозе и жил в селе, а там паспорта не выдавали. На курсы зачислили по справке сельсовета: был недобор - и не придирались.

- Придется, Крылов, сдавать со следующей группой... Через три месяца? И это теперь, когда наяву и во сне представлял себя за баранкой?!

- Нужны метрики! - сказали ему в милиции.

- Метрик нет.

- Затребуйте по месту рождения...

Сергей не помнил ни отца, ни матери, и только приблизительно мог сказать, когда родился. Помнил лишь детдом, последующие годы. Но и детдом, который заменил мальчишке родную семью, найти бы сейчас он не мог: после войны его перевели куда-то на запад...

Метрики. Паспорт. Они ему даже снились.

- Пойди к депутату, - посоветовали товарищи.

Депутат райсовета оказался шофером и человеком душевным; вместе они побывали и в паспортном столе, и у начальника милиции, и даже у председателя районного исполкома,

- Порядок есть порядок,- твердо заявил председатель.
- Парня жалко,- воздействовал на его чувства депутат.
- Закон для всех один.

Пораздумав, Сергей написал Фадееву. Хотя... надеялся слабо.

...Ответ пришел за несколько дней до первого экзамена. Он был коротким и деловым:

"Сообщите мне точнее место Вашего рождения, год рождения, название детдома... По получении этих сведений я смогу Вам помочь в выдаче паспорта..."

Значит, все: три месяца ожидания. Может, даже больше - он ведь толком не ответит ни на один из вопросов. Но дальше оказалась приписка: "Одновременно прилагаю письмо начальнику курсов".

Письмо -то о чем?

"Прошу Вас, уважаемый товарищ, допустить к экзаменам на шофера учащегося Ваших курсов С. В. Крылова. Со своей стороны я постараюсь в самый короткий срок, по получении необходимых сведений, вытребовать его метрики и позаботиться о получении паспорта.

Депутат Верховного Совета СССР А. Фадеев". Ни одно письмо до того - да, кажется, и после - не несло ему столько радости, как это.

Поручительство Фадеева помогло. Крылов сдал экзамены, получил права (а вскоре и паспорт) и с той самой весны в сорок седьмом шоферит на бесконечных, как степь, оренбургских дорогах. Дело свое любит, работает с удовольствием. А это - главное.

"Боевые ребята"

Тайманкиных в Пронькино - полсела.

А мне... мне нужны были три брата, о которых я знал лишь то, что все они фронтовики и на войне потеряли четвертого.

Я шел по следам записки. Вот она: "Очень прошу принять этих боевых ребят и помочь им. Это двое братьев Тайманкиных, а у них еще есть и третий, тоже фронтовик (а четвертый погиб на фронте). Они хотят обрести специальность, хотят учиться. Надо бы им посоветовать что-нибудь подходящее и для вас, и для них, и помочь им.

С дружеским приветом А. Фадеев".

Записка была обращена к Андрею Иосифовичу Малютину - в то время секретарю Сорочинского районного комитета партии, а ныне директору вечерней школы. Он ее сберег.

Но Тайманкиных Малютин помнил смутно. Ничего удивительного - много людей тогда обращалось в райком. Уважить старались каждого, фронтовиков - особенно. Кажется, определили в школу механизаторов.

- Спросите пронькинских, - посоветовал он. - Уж они-то знают.

Председатель сельского Совета Павел Романович Ерошкин перезнакомил меня чуть ли не со всеми Тайманкиными, в том числе с Петром, Павлом и Прокофием - продавцом, бухгалтером и охранником. Да, воевали. Да, брат сложил голову в боях с фашистами. Фадеева? Как же - читали. Хороший человек. Депутатом был - во все вникал. Какая нужда - из самой Москвы узнает, совет-помощь даст. Сами? Сами они не обращались. Это, верно, другие. Дмитрия, тракториста, надо спросить. Или Михаила, шофера. Или Филиппа, тоже механизатора. И их четверо братьев на войне было. Егор не вернулся. Так и в записке сказано. Все, значит, сходится.

"Сходится! Все, как у нас! - подтвердил Дмитрий.- Фадеева, Александра Александровича, видели. Он же по всем селам ездил. И слушать его приходилось. Не красно, да мудро говорил. После такой войны, сказывал, трудности побороть нелегко, а только поборем непременно... Вы теперь видите, каким наше село стало? Глядите - и дома городские, и электричество, и радио. Телевизоры бы еще. Не знаете, как там насчет ретрансляторов решили? Скоро будут ставить или нет?"

Записка не относилась и к ним. Но нить дали именно они. Вспомнили братья давно слышанный рассказ.

Уходила воевать из Пронькино еще одна семья Тайманкиных: Александр, Николай, Петр и Василий. Вернулись сразу после войны двое, потом приехал еще один, а Василия так и не дождались. Однажды, разговорившись, кто-то из братьев рассказал про свое знакомство с "самим Фадеевым". Мол, прочитал кто-то из них, что писателя в Верховный Совет земляки избрали, пожалел - не довелось повидать, и когда возвращались через Москву - надумал: "Забежим к депутату, познакомимся". И познакомились. Еще привет всем передавали.

- А где они сейчас?

- Обучались на механизаторов, в колхозе работали. Ничего не скажешь - работали хорошо. А потом - помните? - призыв был: на освоение новых земель. Изъявили желание в Голодную степь. Там и теперь. Обжились, семьи завели. Только слыхали, будто в родные места тянет. Пусть едут - примем. Тайманкины - фамилия пронькинская!

История одного письма

"Фадеев сделает... Фадеев нажмет... Фадеев скажет..."

Где и когда бы оренбургские литераторы ни собирались, такие слова можно услышать непременно.

Логика мыслей прослеживалась без труда: Фадеев - генеральный секретарь Союза, в делах литературных и издательских влияние у него огромное, а коль так, то, будучи депутатом от их области, он...

Помощь требовалась на самом деле. Писательское отделение не имело пристанища. Собирались где придется. В поисках своего "центра" пишущие порой сбивались с ног.

А их, пишущих, становилось все больше. Иные делали успехи. Но областное издательство "доморощенных" не привечало: очень редко выходили альманахи, еще реже - отдельные книжки. Обид накопилось много, о них написали Фадееву и теперь ждали ответа.

...Личное знакомство Фадеева с оренбургскими литераторами состоялось в феврале, когда он впервые приехал в область для встреч с избирателями. Письмо же его, написанное 24 июня того самого сорок шестого года, удивило всех пониманием и индивидуальных почерков, и коллективных бед коллег из Оренбурга. Бед не только с помещением и не только с изданием...

"Письмо Вашего коллектива с жалобой на издателя Моисеева я получил, - сообщил Фадеев и сразу, без обиняков, переходил к сути: - Недостатком этого письма в той части, где Вы характеризуете творчество писателей г. Чкалова,* - является полное отсутствие самокритики. Даже мой отзыв о творчестве некоторых писателей Чкалова Вы изложили так, будто я говорил только хорошее и лестное и совсем не критиковал..."

И он постарался разобраться в работе каждого, он задумался над их произведениями, как никто до него этого не делал.

Нравится? Так и говорит:

"Мне понравились стихи П. Строкова, особенно "Беда"..."

"Весна" Возняка более выдержана с точки зрения формы, чем многие другие его стихи..."

"В рассказе его (Левина - Л. Б.) есть новизна темы, хорош образ старика на трубе, с этакой русской затейливостью..."

Он не побоялся сравнений - даже очень смелых: "Я бы сказал, что в Вашем отрывке (письмо адресовано Н. С. Клементьеву, руководителю отделения) чувствуется некрасовская школа, если бы не то обстоятельство, что в большинстве произведений Некрасова всегда есть еще и "второй план", как бы "подводное течение". А Ваш стих более прямолинеен, более - в лоб. Поэтому невольно возникает сопоставление Вашего стиха с никитинским. Никитин пользуется почти тем же народным словарем, что и Некрасов, похож на него "манерой", но в большинстве случаев лишен "второго..." С точки зрения большой поэзии - это недостаток Никитина, а стало быть и Ваш..."

Ну, а за что Фадеев бил? За нетребовательность. За неряшливость.

Его удручают неудачные слова - тому же Клементьеву он выговаривает за "искусственный" глагол "припеть", а молодому прозаику Гарбарю - за "небесных барашков", которые "подпрыгивают" на небе. Его задевает недоработанность стихотворений, незаконченность рассказов. "Мне кажется, Вы вообще должны относиться строже к работе друг друга и лучше редактировать то, что печатаете..."

Это разговор по большому счету. "Тем не менее Вам, конечно, надо помочь. Я написал тов. Денисову, чтобы Вас собрали в обкоме и поговорили с Вами о Ваших нуждах. Я прошу в письме, чтобы помогли Вам в издательских делах, в помещении для отделения Союза и дали денег на литературную консультацию. С другой стороны, я написал, чтобы с Вас больше требовали в смысле качества

Вашей работы (и в части Вашей литературной работы, и в смысле общественном). Вам надо периодически устраивать литературные вечера в городе и на местах - с хорошими литературными докладами, с читкой своих произведений. И надо, чтобы у вас работала литературная консультация для начинающих".

Письмо в обком...

Значит, Фадеев не ограничился этим обращением непосредственно к литераторам. Было еще одно: и с критикой, и с предложениями. Суть его он изложил сам, но... хотелось прочесть своими глазами от начала до конца.

Такая возможность представилась мне в Москве, в Центральном государственном архиве литературы и искусства: не так давно туда поступила обширная депутатская переписка Фадеева.

Среди многочисленных копий фадеевских писем первого года депутатства - письмо к Г. А. Денисову:

"Направляю Вам коллективное письмо чкаловских писателей, мне адресованное.

Мне кажется, что группу чкаловских писателей следовало бы созвать в обкоме, выслушать их и помочь им в издательских делах.

Письмо их одностороннее, в нем не хватает самокритики. Они могли бы и должны были бы получить ее на этом же совещании в обкоме.

В письме они несколько преувеличивают мою оценку их творчества. Я их довольно сильно покритиковал. Тем не менее, в Чкалове действительно есть талантливые люди - Клементьев, Возняк, Пистоленко и грамотные литературоведы - Прянишников, Лубэ.

Литературная группа города Чкалова без сомнения могла бы быть значительно сильнее, если бы она искала и растила новые силы из местной - городской и сельской интеллигенции, особенно молодежи. Для этого необходимо, чтобы литературная группа более широко проявила себя: ей необходимо периодически выступать перед студенчеством, в заводских клубах, перед учителями с литературными докладами и читкой своих произведений, ей надо организовать свою литературную консультацию для помощи начинающим писателям. На литературную консультацию следовало бы отпустить некоторые средства.

Было бы правильно, чтобы "Чкаловская коммуна" в хронике отмечала деятельность группы и давала бы рецензии на выходящие в свет произведения чкаловских писателей.

Со своей стороны я обещаю:

1. В течение 1946 г. организовать поездку группы хороших писателей из Москвы в Чкалов для того, чтобы осветить в прессе большую строительную работу чкаловских рабочих и колхозников и парторганизаций, а попутно - помочь местным писателям.

2. Вызвать в Москву группу чкаловских писателей для того, чтобы вместе с ними обсудить их произведения при участии видных советских писателей.

Мне кажется, если Чкаловскую литературную группу хорошенько покритиковать, а с другой стороны, помочь ей в издательских делах, дать ей помещение, отпустить средства на литературную консультацию и сделать работу группы общественно-заметной,- она, эта группа, сможет быть полезной в культурно-воспитательной работе Чкаловской партийной организации".

...Со времени получения этих писем минуло почти . двадцать лет. Оренбургские писатели создали много романов, повестей, пьес, стихотворных книг. В области их знают, с ними считаются. А урок, преподанный тогда Фадеевым, не забыт. О нем помнят ветераны, его передают новичкам.

Урок требовательности и дружбы...

Сигнальный экземпляр

Сельвинский. "Контрольный экземпляр". Пришвин. ."Сигнальный экземпляр". Головки. "Контрольный..." Адалис. "Сигнальный..."

Я не в книжной палате столицы - в библиотеке небольшого районного городка. Но откуда здесь книги с такими штампами?

Оттуда же, откуда и эта, с дарственной надписью известного писателя: "Дорогому Александру Александровичу - от всей души и сердца, с глубокой благодарностью..."

Книги - из личной библиотеки Фадеева. И попали они сюда не случайно.

...Книг в Сорочинской библиотеке было мало. Читатели непритязательные еще кое-как мирились. Читатели со стажем выбывали один за другим. Фадеев узнал об этом уже в первую свою предвыборную поездку. Узнал, удивился и обещал помочь.

Месяца два спустя от него прибыло письмо: "Я уже зондировал почву насчет пополнения Вашей библиотеки". Но - не скрывал депутат - "зондирование" оказалось неутешительным. Москва занималась комплектованием библиотек для городов и сел, которые находились на территории, разграбленной фашистами; книги направлялись прежде всего туда.

"Болел, не мог продвинуть вопрос с книгами..."- писал Фадеев в другой раз, месяцем или двумя позднее. Надежда получить литературу поколебалась еще более.

И вдруг книги стали приходиться день за днем, посылка за посылкой. Не из Госфонда. Не из Центрального библиотечного колллектора. Новые издания классиков... Только что вышедшие романы и повести... Томики стихов военных лет и первого мирного года... На многих были типографские штампы: "контрольный...", "сигнальный..." На некоторых оказались дружеские надписи и посвящения.

Их присылал Фадеев.

Они были ему дороги, книги друзей. Но у него в шкафах эти тома и томики стояли как сувениры, как реликвии, а в Сорочинске людям нечего было читать. И Александр Александрович решительно снимал их со своих полок.

...С волнением касаюсь я книг из фадеевских посылок. Во многих руках побывали они, иные зачитаны до дыр, но кажется, что и поныне сохраняют они тепло его рук, его глубокие раздумья.

"...Я не теоретик,- но так подумаешь - и получается, что укрепление было своего рода коллективизацией уже коллективной собственности!"

"...И у коллектива свой характер. И коллектив требует воспитания. Разве не так?"

"Как важно, чтобы колхозный вождь, стараясь материально заинтересовать колхозников в успехе артельного хозяйства, сам прежде всего был человеком идейным, высоких коммунистических принципов, готовым пренебречь ради них всеми материальными выгодами..." Мысли о земле и ее людях, о сельской жизни во всех проявлениях...

Нет-нет, знатоки литературного наследия писателя не найдут этих высказываний ни в написанных Фадеевым романах, статьях, письмах, ни даже в записных книжках, к которым и мне, и вам уже довелось обращаться. Строки, приведенные мною, написаны не Фадеевым.

Книжные посылки от него приходили не только в сорок шестом, но и в последующие годы. Были в них и книги новенькие, с неразрезанными страницами. Но многие носили следы его чтения. Чтения и раздумий над прочитанным.

Выписки сделаны мною из книги Михаила Жестева "Под одной крышей", выпущенной "Советским писателем" в 1955 году.

Как внимательно читал Александр Александрович эти "очерки из жизни одного отстающего колхоза"! Вместе с автором он думал, переживал, искал ответы на "больные" вопросы, и черточки под печатными строками- то легкие, то жирные - выделяли самое важное, а змейки на полях как бы говорили: такое я мог бы сказать сам.

И мне понятно: Фадеев против жизненной философии Егора Васильевича, для которого главное - уложиться в срок и выполнить план, а остальное - зажиточность колхозников, механизация, агротехника - дело второстепенное.

И нет у меня сомнений, что Фадеев думает о красоте так же, как герой очерков Темляков: "И вдруг эту красоту Темляков увидел не в восходе солнца и не в рассветной тишине, а в несметных богатствах земли. Вот он стоит среди высоких трав, которых хватит, чтобы прокормить большое стадо; вон там, за рекой, уже золотятся хлеба; а дальше, на горизонте, колхозные леса, способные дать топливо и жилье десяткам деревень. Так почему же Замостье не может воспользоваться этим богатством, не чужим, а своим богатством?"

"Новая красота" - оставляет Фадеев на полях. Он убежден: красота эта должна служить людям. Убежден потому что знает, чем живет деревня, и знает не понаслышке - из самой жизни...

Я открываю еще одну книгу: Валентин Овечкин - "На переднем крае"... И снова встречаюсь с Фадеевым, вхожу в круг его дум.

Змейка вдоль текста: "Мне, жившему ближе к ним, многое в их колхозах - и хорошее, и плохое - было виднее. Чувствовалось, что у самих председателей в душе осталось еще что-то от мужика, от крестьянской ограниченности. Все для нашего колхоза, а что за нашими межами - хоть пожаром сгори. Любить колхозное, как свое, - этому они научились". Толстая, густая галочка - и главная мысль: "А дорожить государственным, как колхозным, этому им еще надо было научиться".

О чем вспоминал он, выделяя эти строки? Что из выделенного приходило ему на память?

...Книги с его пометками - это как бы эстафета мыслей большого человека. И не случайно, что поделился он ими - книгами и мыслями - с близкими ему людьми, с сорочинцами...

Жизнь книги

- А его книги в посылках были? Им написанные?

- Были...

..."Молодая гвардия" должна выйти в течение ближайших двух недель, сразу же пришлю Вам некоторое количество",- так писал он в Сорочинск 1 июня 1946 года.

И вскоре прислал.

Когда еще в маленькой библиотеке дождались бы первого издания популярнейшего романа! А тут дорогие книги появились чуть ли не в одно время с самыми крупными хранилищами страны. Да притом не в одном и не в двух - в добром десятке экземпляров.

Из всего этого десятка мне смогли показать один-единственный. Специалисты-знатоки назвали бы его "усталым". Я же подумал по-другому: бывалая книга. Мы часто называем бывалым того, кто много трудился и храбро воевал, изведая горе, лишения, невзгоды, не раз держал суровые жизненные экзамены - и не только выстоял, а и вышел победителем. Почему же нельзя сказать так о книге?

Дарственную надпись Фадеев в свое время сделал только на одном экземпляре. Его мне хотелось отыскать всего больше. Однако я смог обнаружить лишь следы, которые обрывались, не приводя к книге.

Вот эта история - простая и в то же время похожая на легенду.

...Очередь за "Молодой гвардией" была такой, что сначала пустили по рукам и книгу с автографом. Сколько рук она обошла - кто знает, только потом ее все-таки из оборота изъяли и решили сохранить на память.

Но однажды...

Шла весна пятьдесят четвертого. Самым популярным в стране стало простое и звонкое слово "целина". Оно будоражило умы, раскрывало сердца. Не устояли перед ним и бдительные стражи книги - библиотекари.

Сорочинский район огромными целинными массивами похвастаться не мог. Тем не менее поднимали вековую непашь и здесь. В некоторые хозяйства приехали на подмогу комсомольцы-добровольцы.

В один из дней той весны вбежал в библиотеку возбужденный парень и с ходу потребовал:

- "Молодую гвардию"!

Ни на абонементе, ни в читальном зале книги не оказалось.

- Читают,- ответила библиотекарша. И вежливо добавила: - Заходите еще...

Парень посмотрел на нее с недоумением:

- То есть, как это нет? Да я за ней специально приехал! Да у нас самая страда! Да...

Он горячился, но его горячность на библиотекаря не действовала. Не подействовала бы и дальше, не произнеси парень магического слова: целина.

- Мы, знаете, так решили: выработало звено на целине больше-получай книжку на сутки, обогнали соседи- отдай, хоть и не дочитал. Переходящая книга!

Потому как читали ее немногие, а прочесть хотят все... И такое дело сорвали!

Библиотекарша почувствовала угрызения совести.

- Но нет же...- повторила она виновато, и вдруг... вспомнила об экземпляре с автографом.

Противоречивые чувства боролись в немолодой, строгой женщине. Парень уловил это и стал развивать свои доводы дальше:

- Представьте себе: книга - как знамя. Никакая другая не заменит. Только "Молодая гвардия"... Был бы Фадеев ближе - до самого дошел, а ребятам привез!

Тут уж она решилась. Книга с заветной полки оказалась в руках целинника.

- Вот спасибо, вот здорово! Не беспокойтесь - вернем в целости!

И... библиотекарша не успела даже адрес записать, как необычный гонец распрощался и исчез.

Справки, конечно, наводили. Но оказалось, что соревнование за право первыми прочесть "Молодую гвардию" было той весной не в одном хозяйстве.

Дар Фадеева в библиотеку не возвратятся.

Может, до сих пор ходит книга по рукам, или увез ее кто-то из ребят-целинников на новые земли, на новые стройки. Завидная, прекрасная жизнь у этого скромного томака!..

Очки на столе

Внимание к библиотеке началось в Сорочинске с легкой руки Фадеева, точнее - с писательских посылок.

Книги, присланные им, сразу увеличили приток читателей, и тесно стало в маленькой комнатухе на дальней улице. Перевели в другое место - под

библиотеку отдали две комнаты в здании военкомата. Однако радость оказалась недолгой - теснота настигла вновь.

И явилась дерзкая мысль: строить.

Как и всюду, в Сорочинске строили немало. Появлялись новые заводские цехи и новые мастерские. Открылись детские сады и магазины. На улицах можно было увидеть только что воздвигнутые жилые дома. Что же касается учреждений культуры, то их новоселий тут не помнили с давних пор.

Дом культуры разместился в довольно старом здании бывшего кинотеатра "Форум", а под кинотеатр приспособили церковь...

Библиотеку задумали строить заново, с первого кирпича!

В колхозах сказали: "Подсобим!" Более осторожно заявили в облисполкоме: "Попытаемся изыскать..."

Письмо в одну организацию, копия - в другую, копия- депутату. Просьбы, запросы, напоминания. Споры о проектах. Споры о материалах. Да что там говорить- не один месяц ушел на то, чтобы стройку подготовить. И не один - чтоб поднять.

Строил весь Сорочинск. Открывал весь район. Это произошло уже после смерти Фадеева. Библиотека его имени стала памятником писателю и депутату.

...Тридцать две тысячи экземпляров книг на полках. Десятки названий журналов и газет. Конференции, лекции, передвижки, встречи с писателями... Жил бы Фадеев - непременно стал здесь желанным гостем. Но и без того он тут всегда.

Передо мной на столе его книги, его фотографии, его очки... Те самые, что на многих известных снимках. Те, что надевал он, когда писал "Молодую гвардию", те, через которые улыбались людям его удивительно живые глаза.

...Библиотека растет - главная в своем районе и одна из лучших на все Оренбуржье. А на столе, простом письменном столе, лежат очки с узенькими стеклами и серебряными дужками. Очки, хранящие негасимое, лучистое тепло фадеевских глаз. И, кажется, теплом этим согреты все залы, все закоулки этого дома в маленьком районном городке.

"Я поддержал бы..."

Это письмо пояснений не требует. "...У меня есть сведения, что некоторым членам драматического кружка при Мустаевском Доме культуры присуждены грамоты за участие в смотре художественной самодеятельности, и что Мустаевскому Дому культуры за первенство в олимпиаде присуждена премия в 700 рублей, но уже более полугода Дом культуры и члены кружка не могут получить этой премии и грамот.

Очень прошу Вас нажать, где следует, чтобы удовлетворить законные претензии драмколлектива Мустаевского Дома культуры.

Судя по всему, драмколлектив работает в жалких условиях, вероятно - при всех недостатках - можно кое в чем помочь драмколлективу со стороны районных организаций. Мне кажется, что в условиях районной жизни работа

драмколлектива - это большое культурно-просветительное дело. На месте районного руководства я поддержал бы работу драмколлектива, как и всего Дома культуры, с неменьшим энтузиазмом, чем наше правительство поддерживает Большой театр или Художественный театр в Москве.

Конечно, у Вас возможности меньше, но ведь Ваш Дом культуры и Ваш театр тоже поменьше. Но, однако, они представляют из себя культурное лицо района. Желаю Вам всего доброго.

Письмо адресовано секретарю Мустаевского райкома партии товарищу Щанкину. Писал его Фадеев в ноябре сорок шестого. Мустаево - районное село, отдаленное от железной дороги на полторы сотни километров.

Когда-то такие места называли "глухоманью", "медвежьими углами", "краем света". Теперь же и на "краю света" люди жадно стремятся к культуре, развивают ее, двигают вперед.

На письмо Рыбинского, Оганенко, Карповой, Горячева и других мустаевских любителей он уже ответил. Не только пожеланием успехов, а и деловым обещанием: "Пришлите мне список самых необходимых в Вашей работе предметов и материалов,- я постараюсь добыть их Вам в Москве". Но помощь, внимание нужны им не только сегодня - постоянно. Как можно недооценивать такую силу, упускать из виду?

И посмотрев на карту своего избирательного округа, где среди множества населенных пунктов Мустаево не выделялось почти ничем, Фадеев подчеркнул слова, которые выражали самую суть его взгляда: "...поддержал бы работу драмколлектива... с неменьшим энтузиазмом, чем наше правительство поддерживает Большой театр..."

...Без этих слов, которые двадцать лет назад впервые прочли в оренбургском селе, мне трудно сейчас себе представить любую монографию об искусстве, народа и о партийном к нему подходе.

Он не терпел нейтральных

"Фадеев не терпел нейтральных в борьбе. Здесь ключ к фадеевскому характеру. Запомним его таким..."

Это написала Вера Инбер. Она знала Фадеева много лет.

Мне такого счастья не выпало. Но вслед за старой писательницей я могу повторить: да, не терпел и не был, никогда и ни в чем не был нейтральным сам.

Слушайте - говорит депутат Фадеев:

..."Поддерживаю просьбу Шарлыкского райсовета о передаче ему локомотива и генератора... Шарлыкский район - мощный сельскохозяйственный район, отдаленный от железной дороги. Надо учесть, что районные власти уже израсходовали более двухсот тысяч рублей на строительство электростанции. Отмена решения о выдаче им локомотива и генератора ставит районные организации в безвыходное положение".

..."Прошу Вас оказать помощь Лене Зиновьевой, чтобы она могла продолжать учиться... Мать ее осуждена. Но дети за родителей не отвечают, и девочке надо оказать помощь..."

..."Ознакомившись с материалами дела, не считаю возможным поддержать Вашу просьбу, поскольку считаю решения судебных инстанций правильными".

..."Направляю тебе письмо Ефанова Д. Е. и письмо к нему дирекции Чусовского металлургического завода. Нельзя ли пойти навстречу этим престарелым людям и отпустить их дочь с завода?"

..."Прошу Вас лично проверить, как могло получиться, что колхозница, ежегодно вырабатывающая большое число трудодней, находится в таком тяжелом материальном положении. Если жалоба ее справедлива, мне, кажется, следовало бы поддержать хорошего работника в трудный период жизни".

..."Уважаемая Александра Михайловна! При всей тяжести сложившихся у Вас семейных обстоятельств, я думаю, что Вы поступили совершенно правильно, вступив на самостоятельный путь жизни. Мне кажется, что в таких случаях только работа, и, конечно, забота о детях могут дать моральное удовлетворение..."

Говорит депутат Фадеев.

Его слова обращены к министру - члену правительства и председателя Совета в отдаленном районе, к открывшей душу безвестной женщине и человеку, который сочувствия не вызывает, к старому товарищу по ЦК и молодому коммунисту.

Он настаивает и просит, советует и удивляется, негодует и сочувствует, спрашивает и поддерживает - но только не бесстрастен, не равнодушен, не нейтрален...

...Мне хотелось бы пройти по следам всей его депутатской почты, всех его депутатских забот.

Четыре тысячи писем получил он в 1946-1950 годах, и уж никак не меньше того - в годы последующие. Я представляю себе большой, фундаментальный том "Литературного наследия" с незамысловатым названием: "Переписка А. А. Фадеева с избирателями", или короче: "Фадеев-депутат".

Эпиграфом к нему я поставил бы слова: "Фадеев не терпел нейтральных в борьбе... Запомним его таким..."

Памятник

Даже москвичи, которые проходят улицей Горького не один раз в день - постоянно озабоченные, всегда куда-то спешащие, и те не упустят случая взглянуть на строгий барельеф с фадеевским обликом.

Тут он жил. Тут творил.

Но только ли тут?

Я стою у чеканного барельефа, что на мраморной плите московского дома, а перед моими глазами та же голова, тот же взгляд, но памятник другой, далеко от столицы - в Сорочинске.

И там его считают земляком. И там он жил.

Нужно ли говорить, что для советского, истинно народного писателя жить-это быть среди людей, дышать одним с ними воздухом, знать их думы и их души, отдавая людям весь пламень своего сердца?

Там же, в Оренбуржье, где на протяжении десяти лет его трижды избирали депутатом высшего органа власти, "сенатор от штата Сорочинск" познал всю полноту своей близости с народом.

Не по обязанности - по долгу сердца помогал Фадеев оренбуржцам в больших и малых, общественных и личных делах, делил с ними хлеб-соль, пел их песни, заносил в свои путевые блокноты беглые наброски, эскизы увиденного. Кто знает, может родилась бы со временем новая книга, и была бы она о людях степного края... Эти-то люди и воздвигли ему памятник. "Александр Фадееву" - высечено на простом постаменте, несущем на себе столь же простое изваяние: бюст человека с лицом мудрым и юным, таким, каким запомнили его тысячи людей.

Открытие памятника состоялось в один из декабрьских дней 1960 года.

На площадь у только что выстроенного здания районной библиотеки съехались отовсюду: из Новосергиевки и Шарлыка, Александровки и Яшкино, из многих дальних и ближних сел.

Кто бы ни говорил - старый колхозник Михаил Сергеевич Сухомлин, юная школьница Тоня Мухина, рабочий, писатель, секретарь райкома в каждой речи звучало одно: Фадеев с нами.

Оренбургская земля, не богата цветами. А памятник в центре Сорочинска в цветах всегда. Вот и недавно, когда я приезжал туда снова, взгляд мой порадовался яркой цветочной волне, что подступала к самому постаменту.

Но больше, чем краски этого живого ковра, взволновал меня прислоненный к памятнику сноп. Тугой налитой зерном, золотой сноп знаменитой русской пшеницы...

Первый сноп нового урожая.

И подумалось: сама земля воздает почет своему сыну.